

Татьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Дом, где исполняются мечты
Далекий мой, единственный
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Два шага до любви
Двое на краю света
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Свидание вслепую
Чудо купальской ночи
Влюбиться в жертву
Больше, чем страсть
Красота по-русски
Любовь со вкусом вишни
Моя нечаянная радость
Девушка-праздник
Тот, кто назначен судьбой
Девушка из нежной стали
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай

Татьяна
Алюшина

Белоснежный
роман

Роман

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *С. Власова*

Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Белоснежный роман : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-153984-9

В тесном уютном мирке якутской гостиницы во время разыгравшегося бурана вспыхивает любовь между Настей и Максимом Вольским. Она — женственная, интеллигентная, из хорошей московской семьи с традициями, он — герой-вертолетчик, закаленный жизнью мужчина с внешностью бандита 90-х. Расследуя загадочное исчезновение одного из постояльцев, они многое узнают друг о друге и пытаются понять, что будет с их отношениями, когда закончится буран.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-153984-9

© Алюшина Т., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

*Моей сестричке Светлане,
вдохновляющей меня на многое,
посвящается с любовью.*

Аэропорт местный был небольшой, симпатичный и какой-то на удивление уютно-домашний; это ощущение домашности и невидимой приветливой улыбки Настасья еще по прилете отметила про себя и все непроизвольно улыбалась в ответ.

Расположился местный аэропорт, как и подобает, за городом, но виден был издалека, приветливо и радостно посверкивая на солнышке чистенькими, свежотремонтированными фасадами, словно похваляясь новеньким праздничным нарядом.

Как объяснила ей Валерия Яковлевна, встречавшая ее, в прошлом году аэропорт отремонтировали основательно, что-то даже модернизировали в нем и в системах обслуживания, в свете каких-то там серьезных новых авиационных стандартов и требований, однако это все равно мера временная, поскольку требуется полная реконструкция по современным технологиям и параметрам. Что и планируется сделать в ближайшее же время.

— И уж стройку налаживают, видите там, — она указала рукой вправо за взлетную полосу

на ангары и постройки. И похвалилась: — От так. А как же. И у нас тут цивилизация и эти самые, как их, господи прости, называют-то по современному... — наморщила она лоб, вспоминая, и улыбнулась, таки вспомнив, — инновации. О!

Рассказывала она про дела и новости городские обстоятельно, делилась с удовольствием, как человек, знающий, о чем говорит, и радующийся таким делам грядущим.

Впрочем, практически все жители этого маленького городишки про все, что происходило в нем, знали доподлинно и из первых рук, а сам мэр раз в неделю выступал по местному телевидению и подробно докладывал о городских делах.

В том, что любая информация распространяется здесь со скоростью лесного пожара, Насте пришлось удостовериться на собственном примере — стоило ей прилететь и поселиться в гостинице, как уже через час практически весь город был оповещен о том, кто она, откуда прибыла, по каким надобностям к кому приехала. О ней и цели ее приезда даже по радио передали в местных новостях, как о некоем важном событии.

Одуреть!

А еще здесь все здоровались друг с другом, даже незнакомые люди.

И улыбались при этом! Улыбались, представляете, радушно, открыто, словно ты их родственник любимый или давнишний друг-товарищ! Это вообще что-то, как в другое измерение попала.

Хотя... может, и попала. Тут вообще все не так, как в других краях, а уж тем более в столице. Она,

столица та самая, дале-е-екая и важная, как-то там сама по себе важно раскинулась, а жизнь, насыщенная и настоящая, она вот здесь, например.

Север. Полярный круг. Якутия.

И этого Севера и Полярного круга с Арктикой за ним как-то очень до хрена, уж извините, и на-а-а-много побольше будет, чем какой-то там Москвы с Питером, вместе взятых, со всеми их понтами и представлениями о жизни.

Это не Настины мысли и высказывания, она в такие размышления не пускалась. Это практически прямая цитата из речи Темыча, как его все называли, соседа Валерии Яковлевны, разъясняющего со смешком, улыбочкой и проскальзывающим, завуалированным матком почти столичной Настасье реалии того непростого места, куда она попала.

Не в сказку, но близко.

За три дня пребывания она «калориту» этого, как говаривал тот же упомянутый сосед Валерии Яковлевны Темыч, набралась с лихвой и, знаете, с радостью — так ей нравились эти люди, их городишко, их жизнь. И это ощущение чего-то сильного, настоящего, мощь этого необъятного края, чувствующаяся здесь во всем...

Что-то как-то ее того... занесло в непонятный пафос, или ей просто было здесь хорошо? И люди замечательные встречались — а, вот это точно! Или это от возникшей уверенности, что с ее важным, главным делом все обязательно сладится и получится наилучшим образом, раз за него взялась с таким энтузиазмом Валерия Яковлевна. Ладно, занесло и занесло. А насчет дела своего ра-

новато она обрадовалась — непростое оно, дело это, времени и терпения требует. Посмотрим, как там будет и что получится.

Теперь она вот улетает.

Но утверждение «улетает» слишком оптимистичное, а произойдет ли это на самом деле — под большим сомнением.

— Как бы погода не поменялась, — задумчиво произнесла Валерия Яковлевна, когда они прощались, тревожно глядя на горизонт.

Настя тоже посмотрела на горизонт следом за ней и ничего, кроме чистого синего бескрайнего высокого неба, не обнаружила.

— Суставы с утра крутит, — пояснила Валерия Яковлевна, — а это всегда к непогоде, резкой и затяжной. — И улыбнулась ободряюще: — Но, даст бог, улетите, успеете.

Они очень тепло попрощались, наверное, в сотый раз напоследок обсудив их дело, и Настя отправилась в гостиницу собираться, а оттуда, вызвав такси, поехала в аэропорт.

Людей в зале ожидания оказалось неожиданно много.

Ну, как много — полным-полно! Все кресла были заняты как людьми, так и их вещами — чемоданами-баулами, и у стен кое-кто на своих вещах на полу пристроился сидеть, а то и спать. В единственном малюсеньком кафе выстроилась длинная очередь к прилавку, и все столики были плотно заняты людьми, которые явно надолго здесь обосновались.

Настя протиснулась между потоками мигрирующих по залу людей к экрану расписания и с унынием просмотрела информацию о задержке практически всех рейсов.

Ох, не зря у Валерии Яковлевны суставы крутит, ох, не зря!

Это она поняла еще по дороге в аэропорт, заметив из окна такси темную массу облаков, появившихся на горизонте, а ведь еще час назад небо было чистое, как слеза.

Но пока все было непонятно и туманно — на табло не высвечивалась информация, на сколько конкретно задерживают ее рейс, может, еще и улетит, хотя даже регистрацию не объявили.

Она покружила по залу, выглядывая, может, найдется где местечко, чтобы присесть. И все неосознанно поворачивалась назад, поглядывая время от времени на свой багаж, удивляясь, что как-то непривычно тянуть за собой лишь небольшой стильный чемоданчик на колесиках и не нужно бесконечно беспокоиться о хрупком, нежном и нестандартном грузе, суетясь вокруг него и по тысяче раз напоминая грузчикам, как с ним следует обращаться.

Сколько она с этим грузом пропутешествовала, намучившись, изнервничавшись вся от не проходящего ни на минутку переживания: как он там? Ну, тысячи километров точно, через четыре города, в разных концах Якутии. А еще и до нее самой, до Республики Саха этой самой, загадочно-просторной добиралась.

А тут вдруг раз, и никаких напрягов — простой багажник, и все дела. Непривычно совсем и странновато как-то.

Но все, домой теперь. Ну, почти домой.

Настасья заприметила одно свободное кресло и торопливо принялась пробираться к нему через горы сумок, чемоданов, людей, ноги, играющих тут же детей, пока кто-то другой не опередил и не занял место.

На самом-то деле кресло было, скажем так, условно свободным, потому как в соседнем устроился сразу же не понравившийся и сильно настороживший ее индивид мужского пола — вытянув вперед и положив одна на другую ноги, скрестив руки на груди, засунув ладони в подмышки теплой летной куртки, в которую был облачен, укутавшись до макушки в поднятый меховой воротник, спал себе мирно здоровый такой мужик. А рядом с ним на соседнем сиденье, том самом, которое и присмотрела для себя Настена издалека, стояла здоровенная брезентовая сумища в форме вытянутого толстого цилиндра.

Такой армейский баул Настя однажды видела, когда к ним в институт прямо с аэродрома завалялся муж ее коллеги, офицер каких-то там необыкновенных войск. Так вот у него был точно такой же цилиндр, он еще тогда объяснил заинтересовавшейся странной конструкцией Насте, что цилиндр этот можно носить как сумку, а можно и как рюкзак.

Очень удобно и все в нем, в этом чудо-бауле, продумано грамотно для укладки багажа. Муж коллеги еще долго расписывал какие-то еще там неоспоримые достоинства обыкновенного на вид тряпичного изделия, оказавшегося на удивление вместительным.

Вот перед такой вот цилиндрической штукавиной Настя и остановилась в некотором замешательстве.

Первым делом она попыталась воззвать к совести гражданина.

— Товарищ, — чуть наклонившись поближе, твердо обратилась она к спящему субъекту, не отреагировавшему на ее призыв. — Товарищ, — повторила Анастасия более настойчиво и даже руку протянула, но не рискнула все же его тормозить, лишь попросила довольно громко: — Будьте добры, уберите свои вещи с сиденья.

Ноль реакции. Собственно, что и требовалось ожидать.

— Ну, ладно, — пробурчала она еще более решительно и принялась стаскивать с кресла баул.

Получилось, разумеется, но оказалось тяжело. Что он туда насовал вообще? Вот что-то ей подсказывало, что вряд ли собрание сочинений Толстого Льва Николаевича или пару-тройку костюмов от итальянского Brioni и набор туфель ручной работы от Berluti.

Это она просто ворчала про себя и язвила от расстройства и постепенно крепнущего ощущения, что фиг она сегодня куда полетит, разве что вон мужик этот встрепенется ото сна и пошлет по конкретному направлению за такое самоуправство с его имуществом, да еще ускорения придаст пинками.

Все это невесело прокручивала в голове Настя, перетаскивая тяжелую сумищу с кресла на пол, крикнула тихонько от неожиданности, когда пришлось придержать баул в момент отрыва его от сиденья, быстренько стрельнула взглядом на

мужика — не увидел ли, как она нелюбезно с его вещичками тут обращается.

Не, не увидел — спал себе, не обращая на ее возню никакого внимания.

Ну и хорошо, и спи, дядечка, чего уж теперь.

Она уселась на освободившееся место, огляделась по сторонам и осторожненько так ножкой, ножкой, чтобы никто не заметил, подвинула-подвинула конус баула в сторону мужика и тихо-о-онечко привалила его к бедру хозяина.

«Фу, ну все, — мысленно выдохнула Настасья, — пристроилась».

Поставила рядом с собой чемодан, уложила дамскую сумочку на колени и осмотрелась вокруг более спокойно и вдумчиво. Народу набилось в небольшом зальчике ожидания — не протолкнуться. Тут были и пассажиры на все задержанные рейсы, и встречающие. И пока ни одной регистрации не объявили, да и точной информации по задержкам не дали.

Ну что ж — сидим ровно, ждем.

Она вздохнула в унисон своим крепнущим сомнениям, повернула голову и посмотрела за большое окно слева от нее через три сиденья и проход у стены.

Так и есть, снова вздохнула она, утверждаясь в своих нерадостных предположениях — черной бедовой темнотой напознала, неотвратимо накрывая сизым брюхом городишко, метельная туча.

Не улетит она никуда сегодня, вот как пить дать не улетит, в третий раз вздохнула Настя и перевела взгляд от наглой черной захватчицы на небе на мирно спящего соседа.

Вот кому было все глубоко пофиг, так вот этому. Спит себе человек, посапывает — не храпит, а именно что посапывает, да так уютно, словно в кровати на перине устроился, а не на жестком сиденье аэропортного узкого креслица.

Настена уловила некий характерный запах, исходящий от него, и даже повела носом, чуть склонившись к соседу, — ну, точно, выхлопец характерный исходит от товарища.

Совсем у человека все хорошо — выпил-закусил и спит себе. Никаких проблем!

Даже позавидуешь.

И пахло-то от него, надо заметить (от нечего делать принялась размышлять она, чтобы хоть чем-то занять голову и отвлечься от нерадостных мыслей), не водкой дешевой, настоящей на крепкой закуске из мяса-лука-чеснока, и даже не борщом с соленьями и не рыбой или еще чем традиционно закусочным, а чем-то хоть и явно спиртовым, но с легкими фруктово-цветочными нотками.

Эстет, что ли, какой, присмотрелась она к спящей фигуре с большим сомнением, но повнимательней, или одеколоном балуется?

Ни на эстета, ни на одеколонищика мужик похож не был даже по внешним, так сказать, признакам — одежда на нем из разряда дорогой простоты, добротная, дорожная, не из дешевых китайских, и чистая. И ботинки вон дорогие известной фирмы специально для полярных условий.

А больше ничего и не скажешь — лица-то не видно — просто здоровый выпивший мужик. Спит.

Тут что-то в «эфирах» аэропортных блынкнуло, народ мгновенно замер, как африканские сурикаты, которые застывают столбиками, заподозрив близкую опасность, и замолчал в ожидании приговора, так что повисла абсолютная тишина. И в этой тишине по громкой связи объявили об отмене всех рейсов на неопределенный срок, о котором будет сообщено отдельно.

«Целуем, администрация», — уныло подумала, выслушав объявление, Настасья.

И тут неожиданно закопошился тот самый подозрительный сосед слева, как медведь в берлоге, почувствовавший весеннюю оттепель, — спал и спал себе беспробудно, уж как-то все привыкли вокруг, и вдруг на тебе — ожил, задвигался! Настя аж развернулась в его сторону, чтобы наблюдать дивное явление. А мужик извлек из подмышки ладонь-лопату, отогнул край воротника и внимательнейшим образом уставился на нее.

Из образовавшегося мехового отвала на Настю смотрела сильно помятая, с покрасневшими глазами, заросшая щетиной какая-то полубандитская рожа, с усиливающими эффект этой ассоциации сломанными, как у профессионального борца, ушами, прижатыми к черепу, с кривоватым носом, явно пострадавшим в какой-то давней драке, а то и не раз, с белым маленьким шрамом на лбу и коротко стриженными густыми, какими-то пегими, непонятого оттенка волосами, торчавшими из-под сдвинутой на затылок кожаной шапки с меховой подбивкой.

— Ну что? — обдав ее явственным фруктово-спиртовым амбре, с хрипотцой ото сна требова-

тельно спросил мужик у Насти с некими нотками недовольного ворчания в голосе.

— Что? — Не ожидавшая такого нахрапа, она не успела решить, пугаться ей или еще подождать, и как-то само собой получилось, что подождать.

И уставилась в покрасневшие глаза на заросшей щетиной бандитской физиономии. И то ли испугу, то ли отчего еще у нее как-то вдруг ощутимо так екнуло сердце, и стало жарко в животе.

А вдруг и правда бандит какой?

— А то, что накрылся наш полет по ходу! — прохрипел он насыщенным полубасом, обдавая ее все тем же выхлопом.

— Господи боже, чем накрылся? — от растерянности и легкого испуга спросила Настасья, запоздало сообразив, что откровенно подставляется под грубость таким вот своеобразным вопросом.

У мужика тут же «всколыхнулась» вся мимика заспанного лица, брови начали приподниматься, на лице появилось натужное сожаление, он вдруг сделал непонятные пассы рукой в воздухе, изображая нечто невразумительное и, сопроводив эти покручивания ладони движением головы, выдал с натугой:

— Как бы вам так... куртуазно объяснить, чем накрылся, барышня, — затруднился он с разъяснениями. — Вы же девушка... — что-то вновь попытался изобразить он помятым лицом, дополняя слова очередным жестом руки — ... такая...

— Не надо куртуазно! — поспешила Настя остановить его потуги, протестующе вытянув руку, и поторопилась исправить ошибку: — Вопрос был глупый. Извините.